

ВИТГЕНШТЕЙН И ГЕГЕЛЬ: ДЕЙСТВИЕ И ГРАНИЦЫ КОНТЕКСТУАЛИЗМА*

Маслов Денис Константинович – младший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: denn.maslov@gmail.com

В данной ответной реплике на статью К.А. Родина мы (1) подробнее обращаемся к анализу понятия «воля» у Витгенштейна и сравниваем его с версией Гегеля. Несмотря на различия, оба приходят к выводу, что воля не отделена от действия, не существует вне и помимо действия как метафизическая сущность и может быть понята другими. (2) На основании этого и аргумента универсальности языка, намерений и действий мы выдвигаем аргумент против крайней версии контекстуалистского прочтения Витгенштейна антиуниверсалистами.

Ключевые слова: воля, теория действия, намерение, Витгенштейн, Гегель, универсальность языка, универсализм, контекстуализм

THE NOTIONS OF WILL AND ACTION: HEGEL AND WITTGENSTEIN AGAINST METAPHYSICS OF WILL

Denis K. Maslov – Junior Research Fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: denn.maslov@gmail.com

In his response, D. Maslov (1) presents a sketch of a comparative analysis of the notion of 'will' in Wittgenstein and Hegel as a response to the initial article by K. Rodin. Despite apparent (but in some ways only seeming) differences, both philosophers show similar anti-metaphysical attitude in their respective analysis. Both regard will not as a metaphysical entity, but in its concrete expression in actions and intentions and conclude that acts of will and intentions can be understood by other people. (2) On this ground and the argument of universality of language, we argue, against K. Rodin, against anti-universalist and contextualist readings of Wittgenstein's texts.

Keywords: will, theory of action, intention, Wittgenstein, Hegel, universality of language, universalism, contextualism

В нашей реплике мы рассмотрим понятия воли и действия у Гегеля и Витгенштейна и покажем их сходство¹. (Интересно, что оба они

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10082П «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории».

¹ Открытие или предвосхищение многих концептов аналитической философии ХХ в. приписывается именно Гегелю видным, но, к сожалению, малоизвестным за пределами Германии гегельянцем-аналитиком Пирмином Штекелером-Вайтхофером практически в любой из его работ (например, см. [Stekeler, 1992]). Э. Бенсивенга утверждает, в частности, что такой концепт, как «семейные сходства», был частью диалектической логики [Bencivenega, 2000, p. 4].

Цитаты даются по оригинальным изданиям *Философия права* [Hegel, 2017], изданию TWA [Hegel, 2003; Wittgenstein, 1969] в нашем переводе. Номер отрывка

апроприируются прагматическим направлением аналитической философии.) Хотя заметки Витгенштейна о действии и содержат материал для возможной теории действия, они скупы и не могут без дополнительных допущений быть положены в основание теории действия. В лучшем случае они являются примером его подхода, более продуктивного для социальной теории в свете проблемы следования правилу. По сравнению с Гегелем заметки остаются абстрактными замечаниями в рамках метафизической проблемы свободы воли и причинности. Далее в свете привлечения идей Витгенштейна для обоснования крайнего контекстуализма в социально-политической теории мы намерены сформулировать вдохновенную Гегелем критику такого прочтения. Согласно Ш. Муфф, адаптация идей Витгенштейна совершается в рамках конкуренции социологических программ универсалистского обоснования либеральной демократии (Хабермас, Ролз) и контекстуалистского подхода [Муфф, 2003]. Именно сторонники контекстуалистского подхода используют идеи позднего Витгенштейна для обоснования своей точки зрения. Мы, в противовес тезису К. Родина [Родин, 2022, с. 17–29] и, вероятно, самого Витгенштейна, намерены показать, в каком смысле универсализм необходим и неизбежен (в т.ч. в теории действия), тем самым указать на предел «контекстуализма» контекстуалистского подхода.

Кант определял волю как способность быть причиной предмета представления. Воля является тем звеном причинно-следственной связи, которое запускает ее в действие, т.е. причиной действия. Тем самым она «метафизицируется», поскольку выносится Кантом за пределы «царства необходимости», причинно-детерминированного мира, согласно законам природы, и помещается в «царство целей». Это понимание, хотя отчасти верное, легко неправильно интерпретировать.

Одной неверной интерпретацией является жесткий детерминизм и утверждение отсутствия свободы воли (т.е. воли как таковой). В тезисах 611 и 612 Витгенштейн отвергает рассуждение, согласно которому совершаемые действия «случаются» с нами, а не нами, что отражается в акте опыта.

Далее Витгенштейн с помощью своих примеров показывает, что акт воли (а не просто желание) не отделен от действия: желать (*Wollen, Willkür*) поднять руку и поднять руку не два отдельных действия; желая поднять руку, мы просто поднимаем ее (614, 616). Воля – это не вид действия, но она включена в само действие (613). В этом отношении выражение «воля к воле» также нелепо, как «действие к действию» (хотя этот тезис о воле не только осмысленное, но и крайне информативное высказывание в других отношениях).

(например, 580) указывает на *ФИ* (*Philosophische Untersuchungen*), указание на параграф (§) относится к *Философии права*, а TWA – на соответствующее издание с номером тома и страницы.

Тем самым волевой акт инициирует действие в том смысле, что он и есть непосредственно действие (хотя утверждение полного тождества действия и воли неочевидно). В ином случае волевой акт нуждался бы в посреднике (614), что по аналогии с аргументом третьего человека можно было бы обратиться в бесконечную цепь посредников между волей и актом.

Воля в традиционном философском употреблении оказывается абстракцией намеренного и осуществленного действия, и легко впасть в искушение, постулировать ее как особую сущность. Желание или слабое намерение могут быть классифицированы как виды воли только по аналогии с осуществленными действиями. То есть «воля» – это абстрактный термин, который возможно мыслить ретроспективно после действия, осуществленного намерения. Без этого можно было бы, пожалуй, говорить о том, что опыт желания случается с нами и мы как бы отстранены от него, являемся внешними наблюдателями, т.е. было бы только желание и надежда (ср. 611).

Поэтому для понимания действия (отличного от неосознанного акта, например храпа или конвульсии) требуется контраст с неосуществленным или затрудненным действием. В нормальных условиях я не пытаюсь поднять руку, но просто поднимаю ее. Однако в некоторых случаях это или другое действие требует усилий – после травмы, при препятствии, наличии трудностей и т.д. Для таких ситуаций требуется упорство в осуществлении действия, доведении его до конца (622, 623), которое мы называем волей (ср. выражение «волевой человек»). Другим примером этого является высказанное намерение (Absicht), которое не было осуществлено, было прервано и т.д.: «Я хотел его обмануть», «Я хотел сказать, что...». Объявление намерения не является причиной последующего действия. (В этом, вероятно, кроется отличие намерения от воления, т.е. намерение – это предварительное, еще не пришедшее в осуществление воление, а собственно воление совпадает с действием; воля тогда – это способность к действию.) Однако объявление намерения дает нам возможность в некоторых обстоятельствах предсказать последующее действие (632, 641, 645). Намерение (в т.ч. высказанное) может быть краткосрочным, мимолетным, несерьезным, т.е. может не приводить к действию (635, 636, 638). Оно не говорит о необходимости следствия (действия), по крайней мере не в том смысле, в котором мы говорим о необходимости, автоматичности причинно-следственной связи природных явлений (630). Объявляемое в словах намерение еще не является достаточным свидетельством настоящего намерения и последующего действия.

Однако, наоборот, само действие является достаточным свидетельством намерения, также как и ощущение, переживание и проч. (внутреннее созерцание, внутренний мир), проявляется в жестах, тоне, т.е. внешних признаках (641). (Неосуществленное намерение

не является, таким образом, подлинной волей, более того, в отсутствие действия можно усомниться в существовании намерения (638.) Также и признание стыда за намерение действия без признания стыда за действие нелепо, поскольку намерение заключено в самом действии: «Не находился ли умысел *также* в том, что я сделал? Чем оправдан стыд? Всей историей происшествия» (644). В этом видится имплицитная критика кантовской этической теории, которая подчеркивает решающую роль намерения против ориентации на последствия действия (ср. критику этого тезиса Канта Гегелем: §124; «Субъект есть [не что иное, как] ряд его действий», §135).

Этот ход рассуждения направлен против метафизики внутреннего мира субъекта, против психологизма, свойственных для многих нововременных философов. В результате такой критики, по мысли Витгенштейна, «[ц]елое облако философии сгущается до одной капли учения о языке (*kondensiert zu einem Tropfen Sprachlehre*)» (PU II XI, S. 534)².

Предметом внимания Гегеля в *Философии права* является понятие воли, однако преимущественно не в метафизическом смысле – как свободы инициировать действие. Такая точка зрения критикуется как абстрактная (§18), поскольку она отвлекается от конкретных проявлений воли, и поэтому неадекватная. Воля (уже понимаемая как свободная по своей сути, по определению) предпосылается (§4) как исходный пункт для развертывания системы категорий абстрактного права, морали (категории субъективного морального действия) и нравственности (категории объективного коллективного устройства и его различных форм). Простой методологический тезис Гегеля состоит в том, что воля исследуется и постигается не в ее абстрактном понятии, но в проявлении в действиях индивида по отношению к другим, т.е. свобода воли как метафизическая категория раскрывается в проявлении воли в социально-философском смысле, в ее конкретном развертывании, в том, как «правовая система [произвела] царство [das Reich] осуществленной свободы» (§4). Воля в индивидуальном плане проявляется в субъективном, моральном действии,

² Ср.: «Внутренний процесс нуждается во внешних критериях» (580). Действия других людей можно предугадать из их предшествующего поведения: «Сказать, что «только он может знать, что он замышляет (*beabsichtigt*)», бессмысленно; сказать, что «только он может знать, что он сделает», ложно» [Wittgenstein, 1968, PU II XI, S. 536]. См. также анализ аргументации Витгенштейна против солипсизма и «приватного языка» Э. Тугендхатом, указывающим на то, что знание обо мне как субъекте возможно не на основании внутреннего, интеллектуального созерцания, но на основании внешних критериев, определяемых от 3-го лица. То есть мои внутренние состояния (боль, радость, депрессия и т.д.) оказываются доступны для наблюдения других людей через мое поведение. См. [Tugendhat, 1979, S. 88–90] о предикатах «Я» и также о критике Витгенштейном «приватного языка» [Ibid., S. 91–113].

точнее, «действие есть выражение (Äußerung) воли как субъективной или моральной» (§113). Иными словами, воля (как и ее проявления в виде семьи, государства и т.д.) не существует вне ее осуществления в рамках действий конкретных индивидов, которые находятся в рамках тех или иных (формальных или неформальных) институтов (§29: право (как и мораль и нравственность, но уже в другом смысле) – это наличное существование [Dasein] свободной воли). Гегель пишет о том, что воля является вообще действительной только как принимающая решения (§12: «nur als beschließender Wille ist er überhaupt wirklicher Wille»), что подразумевает, что такие решения в дальнейшем воплощаются. В свете этого тезиса можно проинтерпретировать выражение «воля, которая хочет сама себя» как «действие, которое стремится к своему осуществлению» или «свободная воля стремится быть свободной» (ср. §27: «...абстрактное понятие идеи воли есть вообще свободная воля, которая желает [will] свободную волю»).

Тем самым Гегель решительно отвергает метафизику по типу шопенгауэровской и психологические теории, довольствующиеся рассмотрением воли как внутреннего переживания или ощущения. В этом наблюдается явная перекличка с направлением мысли Витгенштейна, однако очевидно и отличие – Гегель намного больше заинтересован в социально-политическом и этическом анализе и приложении категории «воля». Собственно, правовые, социальные, общественные и политические институты и есть раскрытие, реализация понятия «воля».

Заметки о действии, несомненно, демонстрируют единство подхода Витгенштейна, поскольку они отмечены контекстуалистским подходом и как минимум до определенной степени антиуниверсалистским уклоном. Мы хотим указать на границы восприятия и использования мысли Витгенштейна контекстуалистским подходом в современной социологии и политической философии. Универсализм в определенном смысле неизбежен, это относится в том числе и к действию. Способность понять желания, намерения и действия других указывает на их универсальный и общезначимый характер, поскольку наши желания уже вписаны в социальный, этический и политический контексты.

Из контекстуалистского характера подхода Витгенштейна некоторые теоретики выводят отказ от универсальных социально-этических парадигм [Муфф, 2003]. Здесь мы полагаем необходимым уточнить смысл термина «универсальный» и показать, в каком смысле универсализм неизбежен. Центральное понятие позднего Витгенштейна – «языковые игры, выражаемые в языке практики, и связанные с ними формы жизни». Поскольку они обладают частным характером, как утверждается, нельзя или не имеет смысла искать универсальную языковую игру, направляющую их (метафизику).

Однако язык – это пространство и средство универсальности, он по своей природе универсален, поскольку в нем выражается универсальное содержание как доступное для понимания. Это отмечает Гегель (TWA 10, §411) и продолжает, что только с усвоением языка дети приобщаются к всеобщности, универсальности, т.е. способности выражать свои мысли. Сама мысль (понятия) универсальна (см. соотв. главу в *Логике*). В другом месте он пишет, что, поскольку язык – это дело мысли, не может быть сказано ничего, что не было бы всеобщим, универсальным. Иными словами, все, что говорится, уже универсально. То, что нельзя выразить (непосредственные чувства и т.д.), оказывается поэтому самым неистинным, незначащим (TWA 8, S. 74, ср. TWA 6, S. 295).

Из знания общих правил грамматики самих по себе никто не может дедуктивным способом вывести содержание конкретных языковых игр. Однако знание грамматики моего родного языка (ее некоторого рода универсальность) делает возможным изучение других языков, с одной стороны, с другой – делает доступным изучение частных языковых игр (шахматы и т.д.). Мы можем научиться понимать другие языки и языковые игры, мы можем понимать намерение других людей и понимать другие культуры. Итак, в языке может быть выражено только универсальное, принципиально доступное для понимания всех разумных существ.

Это касается и действия. Поэтому воля и намерение носят социальный и универсальный характер хотя бы на основании того, что мы находимся в пространстве целей действия и желаний, сформированных и регулируемых наших окружением, т.е. сообществом, или нравственной субстанцией в терминологии Гегеля. Намерения и действия всегда вписаны в частные практики, однако они носят универсальный характер как доступные усвоению и пониманию участников других практик.

Список литературы

Муфф, 2003 – *Муфф Ш.* Витгенштейн, политическая теория и демократия // *Логос*. 2003. № 4–5 (39). С. 153–165.

Родин, 2022 – *Родин К.А.* Заметки Л. Витгенштейна о намерении и действии в контексте социальной теории // *Эпистемология и философия науки*. 2022. Т. 59. № 1. С. 17–29.

References

Bencivenga, 2000 – Bencivenga, E. *Hegel's Dialectical Logic*. New York: Oxford University Press, 2000, 143 pp.

Hegel, 2003 – Hegel, G.W.F. *Werke: In 20 Bänden Und 1 Registerband*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003.

Hegel, 2017 [1820] – Hegel, G.W.F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Hamburg: Meiner, 2017, 430 pp.

Mouffe, Ch. “Vitgenshtein, politicheskaya teoriya i demokratiya” [Wittgenstein, Political Theory and Democracy], *Logos*, 2003, no. 4–5 (39), pp. 153–165. (In Russian)

Rodin, K.A. “Zametki L. Vitgenshteina o namerenii i deistvii v perspektive sovremennykh podkhodov v sotsial'noi teorii” [Wittgenstein on Intention and Action in the Perspective of Contemporary Approaches in Social Theory], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 1, pp. 17–29 (In Russian)

Stekeler, 1992 – Stekeler-Weithofer, P. *Hegels Analytische Philosophie: Die Wissenschaft Der Logik Als Kritische Theorie Der Bedeutung*. Paderborn: F. Schöningh, 1992, 446 pp.

Tugendhat, 1979 – Tugendhat, E. *Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung. Sprachanalytische Interpretationen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979, 365 pp.

Wittgenstein, 1969 – Wittgenstein, L. *Schriften I*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969, 545 pp.